Мануэль Нуньез-Яновский, выходец из Самарканда, архитектор и вечно молодой постановщик среды, окружающей его.

ЖИВОЕ ВОКРУГ НАС

Я прежде всего человек театра. Мне всё время задают один и тот же вопрос: «Ты ученик Сальвадора Дали?». Я отвечаю: «Нет, никогда не был учеником Дали. Я был его соседом». И на сегодняшний день я являюсь сторожем его замка.

Для большинства Сальвадор Дали — великий художник, эксцентрик, сюрреалист. Но чем больше я анализирую его деятельность и произведения, действия, свидетелем которых я был, и образ мышления, который мне довелось наблюдать, я понял, что Дали — великий театральный постановщик.

Дали был тонким психологом, с острым умом и чувством юмора. Глядя на него, я открыл для себя призвание театрального постановщика. Мама водила меня в театры, показывая мне удивительный мир воображения, где люди измеряют своих партнеров и публику не деньгами, сантиметрами и прочими мерилами, а самой жизнью. Театр — это самое гуманитарное оружие культуры, которое когда-либо было изобретено.

Я учился сценографии. Мне нравился мир театра и его магия. Меня сильно впечатлила полуразрушенная Одесса, куда мы приехали из Самарканда в 1945 году сразу после войны. Будучи ребёнком, никогда не видевшим разрухи, я понял: что-то не так. Запахи, люди, калеки. Страшное зрелище. Там мама повела меня на оперу «Борис Годунов». Я, конечно, заснул сразу же в самом начале. Но поразила меня не постановка, а обстановка: позолоченный зал, музыка, замечательно одетые женщины, артисты в пышных костюмах. А ещё поразил контраст: когда мы вышли из театра резко запахло войной, гарью, бензином. Вокруг нищета, разруха, сгоревшие здания. Шок был невообразимым. Моим первым порывом стало желание вернуться в здание театра. В итоге постановку я не запомнил, но театральный антураж помню до сих пор. Это событие повлияло на мое отношение к театру.

Помню, как, будучи молодым архитектором, ездил на конгрессы и фестивали. Каждый раз, когда подобные мероприятия проводились в Стамбуле, Каире, Марракеше и других исламских городах, я сразу же принимался искать восточные базары и гулять по ним. Ходил по рядам как больной, обнюхивал пряности, цветы, фрукты, овощи, ковры. И я не понимал причин этой своей тяги. Как-то раз я позвонил маме из Парижа, где я на тот момент уже жил, и спросил: «Мама, я не понимаю, что со мной происходит! Кажется, я превращаюсь в собаку!». Мама говорит мне: «Дитя, это Самарканд. Это ислам!» Да, Самарканд со временем выветрился из памяти, но обоняние мне эту память вернуло.

Знаменитым проект делает критика, пресса, публика. Я работал над одним проектом, который, конечно, знают и ценят за нестандартные решения. Много лет назад я сошелся со стареньким бельгийским архитектором. Я переехал в Бельгию, и некоторые время мы работали вместе. Одним из проектов, который я унаследовал из нашего объединения стал институт для детей с ограниченными возможностями.

Я посмотрел на проект, который делали в мастерской и спросил: «Слушайте, а то, что здание должно быть белым и внутри, и снаружи, — это техническое задание или ваша задумка?». Мне ответили, что это задумка, поскольку белый цвет — это красиво и дети будут среди белых стен как в сказке. «Хорошо. А то, что на полу в коридорах и кабинетах разноцветные линии?». Мне ответили, что у каждой линии свое назначение, одна ведет в туалет, другая в столовую и так далее. Тогда я спросил: «Слушайте, а вам не кажется, что эти дети и так уже напичканы лишней информацией и установками? Вы хотите ещё сузить их восприятие мира?» Я был против того чтобы их программировали на бытовые действия. Они должны были просто следовать линиям. Я спросил, можно ли изменить что-нибудь и мне ответили, что есть лишь 2 недели до сдачи проекта.

Я взялся за проект и стал собирать необходимые сведения. Узнал, что по плану будущий институт устроится на границе с бывшей Римской империей. И я решил рассказать историю о римлянах и франках детям. Я сделал здание под руины римского храма. Конструкция словно стоит на фундаменте Римской империи, а внутри сохранились римские улочки и площади. Классы были оформлены в бельгийском стиле: маленькие узорчатые домики, которые потом предлагалось раскрасить детям.

Как отличить хорошую архитектуру от плохой: отвечу по-еврейски — сколько органов чувств у нас есть? Первое, чем мы воспринимаем объекты — это зрение. Допустим, мы увидели объект на очень большом расстоянии, восхитились и ринулись к нему. По мере приближение мы начинаем воспринимать и другими органами чувств, например, подключается обоняние. Начинает пахнуть. И пахнет, простите, неприятно. И ты думаешь: «Как жаль. Такая красивая вещь, но так запущена. Развалина, крысы, грязь». И ты понимаешь, что произошла некая трагедия в жизни этого здания.

Первое, что играет на определение «нравится/не нравится» — это пять органов чувств, на которые мы опираемся. Уже с самого начала строительства здание начинает звучать запахами и шумами. Стройка — это своего рода кухня. Есть повара, которые готовят аккуратно и вкусно, а есть такие, которые разводят на кухне бардак. Но и это не значит, что в итоге блюдо окажется плохим. Возможно, из такого бардака родится что-то уникальное.

Здания — они словно сделаны живыми существами, даже если они не ходят не прыгают, но они дышат, они освещаются, они спят, и просыпаются, так что, они живут с нами. Здания отражаются в нас, а мы в них, и соответственно, некоторые делают нас лучше, а некоторые хуже. Это уже какие-то новые параметры, по отношению к чувствительности. Здания имеют свой запах и своё освещение, мы можем отличить индустриальные здания — они пахнут бензином, маслом, костром — от, например, гостиницы, где всегда пахнет роскошью и ощущается дух путешествий.

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Бывает, ты, не понимая почему, начинаешь злиться. Почему-то вдруг чувствуешь себя неловко. Есть такое чувство, например, клаустрофобия. Здание даёт тебе такое ощущение и восприятие. А есть салоны, приятные места, может какой-то клуб красивый или какой-то бар, и ты даже не думаешь об этом, ты приходишь и тебе просто приятно. Я думаю, то же самое происходит с людьми: ты встречаешься с человеком, и вы можете провести пару часов вместе, спокойно болтая. Поэтому я думаю, что здание — не живое существо, но оно живет. И вот жизнь которую мы даём зданию, оно тебе отдает тем же самым.